
КИТАЙСКИЙ КУЛЬТ ЛИСЫ

Среди немифических существ, представления о которых занимают значительное место в культуре старого Китая, одной из первых обращает на себя внимание лиса. Это обыкновенное, казалось бы, животное неожиданно становится носителем значительной сверхъестественной силы, предметом особого внимания людей. «Волшебная фантастика, которою китайский народ неизвестно даже с какого времени окутывает простого плотоядного зверька, разрастается до размеров, которые, по-видимому, совершенно чужды воображению других народов», — справедливо писал В. М. Алексеев¹. Лиса выступает одним из главных героев в многочисленных китайских сказках и легендах, древних рассказах, новеллах, городских повестях и даже в романе².

Китайская вера в сверхъестественные способности животных (в частности — к оборотничеству) уходит своими корнями в глубокую древность. Уже в «Чжу шу цзи нянь» (竹書紀年 «Бамбуковые анналы») есть сведения о превращениях лошади: «...Одна лошадь превратилась в человека» (32-й год правления чжоуского Сюань-вана, 796 г. до н. э.), в том числе в лису: «На тридцать седьмой год одна лошадь превратилась в лису» (791 г. до н. э.). Среди наиболее ранних свидетельств обращают на себя внимание сообщения о девятихвостых лисах, о лисах белого цвета или о девятихвостых лисах белого цвета. Чаще упоминается девятихвостая лиса 九尾狐 — полумифическое существо, обитающее в стране Цинцю. Об этом мы читаем в «Шань хай цзин» (山海經 «Книга гор и морей»): «Еще в трехстах ли на востоке есть, говорят, гора Цинцю. На солнечной ее стороне много нефрита, на теневой — много камня цинху. Там есть животные, по виду — та-

¹ Алексеев В. М. Предисловие переводчика. С. 15.

² Ло Гуань-чжун, Фэн Мэн-лун. Развеянные чары. В этом романе речь идет оключениях целой семьи лис-оборотней.

кие, как лиса, но с девятью хвостами, голоса их похожи на [плач] младенцев. Могут есть людей. [Человек же], съевший [такую лису], не боится яда змей». В том же сочинении: «Страна Цинцого находится к северу... У тамошних лис четыре ноги и девять хвостов»¹. По мнению современного исследователя Юань Кэ 袁珂, явление девятихвостой лисы рассматривалось главным образом в качестве счастливого предзнаменования; в свою очередь, Хэ Синь 何新, ссылаясь на «Люй ши чунь цю» (吕氏春秋 «Вёсны и осени господина Люя») и другие древнекитайские памятники, убедительно показывает, какое символическое значение придавалось животным белого цвета (тигр, лиса) в циньском и ханьском Китае². Уже цзиньский поэт и эрудит Го Пу (郭璞 276—324) в своем комментарии ко второму из приведенных выше отрывков заметил, что девятихвостая лиса появляется тогда, когда в мире устанавливается спокойствие.

Древнейшие сведения о девятихвостых (как, впрочем, и о простых) лисах крайне отрывочны, фрагментарны и не позволяют составить сколь-нибудь законченное мнение об этом животном. Что касается «Шань хай цзин», в котором, казалось бы, есть более подробные сведения, то, по признанию исследователей, этот памятник также не дает полной картины. История его создания не совсем ясна, и, скорее всего, заключенные в нем сведения принадлежали мифологии отдельных народов, не являясь универсальными для всего древнего Китая. Тем не менее отметим, что в древнем Китае существовала вера в сверхъестественные возможности лис, отличающихся от обыкновенных необычными деталями, чаще всего — наличием девяти хвостов.

Куда более плодотворно для исследователя послеханьское время, когда появляется и получает значительное распространение сюжетная проза, в которой лиса выступает в качестве одного из основных персонажей — и это уже не полумифическая девяти-

¹ Шань хай цзин цзяо шу. Нань шань цзин, с. 46; Хай Ван дун цзин. С. 36.

² «Подобные лисы, появившись в стране Цинцого, ставились в ряд с такими, считавшимися счастливым предзнаменованием животными, как дракон, феникс, цилинь...» (Юань Кэ. Чжунго шэньхуа чуаньшо. С. 345). См.: Ху Кунь. Чжунго гудай хусиньян юаньлю као; Хэ Синь. Лун: шэньхуа юй чжэньсян. Хэ Синь, кстати, пишет, что белая девятихвостая лиса в древнем Китае выполняла роль божества, связанного с бракосочетанием — по его мнению, *цзю вэй*, «девять хвостов», следует понимать как *цзю вэй* 交尾, т. е. «спариваться».

тихвостая лиса, навряд ли наряду с драконами, цилинями и птицей феникс встречавшаяся китайцам в повседневной жизни, но самое обыкновенное животное, знакомое и реальное. Обычная лиса в сяошо наделяется сверхъестественными качествами, главное из которых — способность к превращениям и способность принимать человеческий облик¹.

Главный критерий сверхъестественных сил лисы — ее возраст. В представлениях китайцев чудесные свойства животных и предметов были связаны с их возрастом. Считалось, что чем старше животное (предмет), тем большей силой оно может обладать. Об этом прямо сказано в рассказе из сборника «Сюань чжун цзи» (玄中記 «Записки из мрака»): «Пятидесятилетняя лиса может превратиться в женщину, столетняя [может] стать мужчиной и вступить в отношения с женщиной. Может знать о том, что происходит за тысячу ли, прекрасно владеет искусством обольщения, морочит человека так, что он теряет разум. Через тысячу лет лисе открываются законы Неба, и она становится Небесной лисой 天狐» (ТПГЦ, 447.1). (Кстати, термин «небесная лиса» впервые встречается именно в «Сюань чжун цзи».) Из более позднего сочинения «Гуан и цзи» (廣異記 «Обширные записки об удивительном»), настоящей танской энциклопедии сверхъестественного, мы узнаем, что возрастные различия между лисами находят формальное отражение в фамилиях, которые они носят: «У тысячелетних лис — фамилии Чжао и Чжан, у пятисотлетних лис — фамилии Бай и Кан» (ТПГЦ, 450.2)².

¹ В связи с этим уместно будет упомянуть капитальное — единственное в своем роде, сколько мне известно — исследование И. Моншайн (*Monschein Y. Der Zauber der Fuchsfée*), выполненное в русле сравнительного литературоведения и посвященное преимущественному рассмотрению на китайском материале двух наиболее распространенных в западноевропейской литературе мотивов, связанных с женщиной (по указателю Э. Френцель — *Frenzel E. Motive der Weltliteratur*): die dämonische Verführerin (демоническая соблазнительница) и die selbstlose Kurtisane (самоотверженная куртизанка). И. Моншайн рассматривает генезис образа лисы в разных жанрах старокитайской прозы в различные исторические периоды, вплоть до современности.

² Что касается материалов «Тай-пин гуан цзи», то они задействованы в данной главе в меньшей степени, скорее в качестве дополнений, и главным образом потому, что, в сравнении с душами умерших, в ТПГЦ лисам посвящено всего 9 цзюаней, объединяющих в себе 83 текста (из которых значительная часть отдана танским новеллам), то есть данный раздел не столь представительен и всеобъемлющ.

Из приведенного выше отрывка видно, что в представлениях китайцев существовало несколько, если так можно выразиться, возрастных категорий лис. Самая низшая — молодые лисы, способные к метаморфозам, но ограниченные в превращениях; далее — лисы, способные на более широкий диапазон превращений: они могут стать и обыкновенной женщиной, и прекрасной девой, а могут — и мужчиной. В человеческом облике лиса может вступать в отношения с настоящими людьми, обольщать их, морочить так, что они забывают обо всем. Подобные лисы в дотанской прозе сяошо встречаются чаще всего. Как правило, они — искусные обольстительницы. Приняв облик прекрасной девушки, такая лиса является к мужчине, очаровывает его своей неземной красотой, талантами, доступностью и вступает с ним в интимную связь. По сути, здесь мы имеем дело с трансформированным в письменных памятниках фольклорным мотивом женитьбы на волшебной деве¹. Конечной целью лисы являются именно сексуальные отношения, поскольку в процессе половой связи она получает от мужчины его жизненную энергию, что необходимо ей для совершенствования сверхъестественных способностей. Лиса стремится выбрать себе в супруги юношу — ибо светлое начало в нем еще очень сильно. Последствия такого рода отношений для человека вполне предсказуемы: светлое начало в его организме насильственным образом убывает, жизненная энергия ослабляется. Внешне это выражается в резком похудании («кожа и кости») и общей слабости. В конечном итоге человек умирает от истощения жизненных сил.

Лиса же в результате может существенно увеличить свои возможности, что позволяет ей достичь долголетия, а подчас и бессмертия, стать святой 山狐, приблизиться к миру горнему (часто как раз о такой лисе говорится, что она белого цвета или девятихвостая), уйдя от суетных страстей мира людей. Подобная

¹ Специально генезис этого мотива в китайской сюжетной прозе рассмотрен в кн.: Голыгина К. И. Новелла средневекового Китая. М., 1980. Однако супружество с волшебной девой и супружество с лисой принципиально различны. Исходно волшебная дева является помощницей и благодетельницей, тогда как лиса заботится в первую очередь о своих интересах: она пользуется человеком и тем самым наносит ему вред. Трудно не провести параллель между китайскими представлениями о лисе и о душе умершего: изначально и лиса, и гуй — вредоносная нечисть.

лиса уже не растрчивает себя на отношения с мужчинами, по своему поведению это скорее лиса-праведница¹.

Самый распространенный тип лисы, представленный в до-танской прозе,— это тип лисы-оборотня, который приносит человеку, в первую очередь, зло, 狐妖². Судя по письменным памятникам, даже простое появление лисы в ее естественном виде или неожиданная встреча с нею считались неблагоприятными и часто рассматривались как дурное предзнаменование: пробежавшая через двор лиса может на хвосте принести беду, встреченная в поле жалобно воющая лиса может стать предвестницей скорой, трагической гибели. Хвост чаще прочего становится причиной разоблачения лисы: некий крестьянин, возвращаясь из города, в сумерках видит у обочины дороги девушку в белом, она просится к нему в телегу, дескать, очень устала. Добрый крестьянин разрешает, но через какое-то время случайно замечает у девушки... хвост. Крестьянин пытается ее убить, но принявшая настоящий облик лиса ускользает (ТПГЦ, 440.12). Некто Сунь Янь женился, но и три года спустя его супруга ложилась спать в одежде. Однажды он подкрался к ней, когда она спала, осторожно раздел, а у нее — хвост! (ТПГЦ, 447.9). Иногда лисы оказываются непобедимы: в княжеской могиле поселился лис и каждый день все окрестные собаки сбегались к могиле будто на прием во дворец; лис сидел наверху, а собаки сидели перед могилой рядами, словно внимали лису. Местные жители обратились к односельчанину, который держал натасканных на нечисть собак, собак спустили,

¹ Из этого правила, конечно, есть исключения, и не совсем понятно, как некоторые лисы умудряются, принося вред людям, стать бессмертными: ведь Небо жестоко карает за причинение зла. В ряде текстов встречаются подчас и небесные лисы, творящие зло. Так, в рассказе «Чансунь У-цзи» лис насылает омрачение на дочь знатного вельможи, и перед могуществом этого лиса оказываются бессильны не только маги со своими заговорами, но даже духи местности. Лишь духи Пяти священных гор смогли обуздать преступника. Рассуждая об этом, победивший с их помощью лиса праведник замечает вельможе: «Лис уже постиг тайны бессмертных! Бить его бесполезно, только вред себе причините... Такие, как этот лис, передаются в распоряжение Небесной канцелярии, а убить их нельзя» (ТПГЦ, 447.14).

² «Вряд ли будет ошибкой сказать, что в основе образа лисы-самозванки, наводящей морок на людей своими проделками, лежит ее природное коварство и хитрость, скрытые под личиной невинной внешности» (Гроот Я. Я. М., *де. Лисы-демоны*. С. 225).

но и они присоединились к прочим, пав ниц перед лисом (ТПГЦ, 451.5).

В китайской традиции лиса издревле была связана с мертвыми — впервые об этом говорится в словаре «Шо вэнь цзе цзы»¹. В классических китайских сяшо постоянно встречаются упоминания о том, что лисы роют свои норы в старых могилах, как правило заброшенных, или рядом с ними. Видимо, как раз по этой причине в сознании китайцев существует прочная связь между душами умерших и живущими в их могилах лисицами. Часто бывает так, что лиса присваивает себе фамилию того рода, в могиле которого живет, или даже выдает себя за человека, похороненного в облюбованной ею для жительства могиле. Связь с мертвыми, пусть даже чисто пространственная, отчасти объясняет те вредоносные свойства, которые приписывались лисе: и лиса, и душа умершего способны принимать человеческий облик и вступать в материальный контакт с живыми². Впрочем, у лис есть и свои специфические занятия, с людьми никак не связанные, — напротив, от людей скрываемые. Так, один путник ночью забрел на огонек в могилу, где за столиком сидела лиса и читала книгу, а ей со всем усердием прислуживали мыши. Путник лису прогнал, а книгу забрал — решил показать знакомому. И только отправился в город — глядь, а тот знакомый едет ему навстречу. Показал книгу, а знакомец книгу хвать, обратился лисом и удрал. «Книги лисьи такие же, как у людей, только ничего понять нельзя» (ТПГЦ, 454.1)³.

¹ Шо вэнь цзе цзы. С. 478.

² Опираясь на более поздний, видимо, цинский материал, Л. С. Васильев отмечает также, что «выползающий из старых могил лис считался мистическим воплощением души мертвеца» (Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970. С. 140).

³ Или: один даос случайно заметил в пещере несколько десятков лис, кружком сидевших вокруг старого лиса, тот восседал на возвышении и читал книгу, а прочие с усердием внимали; что-то вроде школы. Даос книгу у лис отнял, а на следующий день к нему явилась целая делегация с шелком и золотом: хотели книгу выкупить. Даос отказался и тогда пришедшие (в обличье людей) его вполне резонно спросили: а на что вам наша книга? все равно пользы вам от нее никакой, так перепишите себе, если угодно, а оригинал отдайте. Копию же свою не показывайте никому. Даос на это согласился, даже императору не показал — так «книга и осталась сокрытой от мира» (ТПГЦ, 451.10).

Несколько позднее, при династии Тан (618—907), отношение к лисе изменилось. Именно в это время начинает складываться культ лисы, подтверждение чему мы находим в письменных памятниках данного периода. Так, в сборнике Чжан Чжо (張鷟 660—740) «Чао е цянъ цзай» (朝野僉載 «Полные записи о столице и окраинах») говорится следующее: «Начиная с первых годов правления династии Тан, многие в народе стали поклоняться феелисе, в домах приносили жертвы, чтобы ее умиловить. Подносили человеческую еду и питье. Поклонялись стихийно. В то время бытовала поговорка: "Там, где нет лисы, нельзя деревню основать"» (ТПГЦ, 447.15). Этот отрывок относится, самое позднее, к первой половине VIII века. По всей вероятности, уже в то время в простом народе лису стали воспринимать также в качестве животного-покровителя, способного нести добро, если ему правильно поклоняются¹.

Однако свидетельства такого рода единичны. Культ лисы окончательно сформировался и получил широкое распространение в более позднее время².

¹ Хэ Синь высказывается более категорично: «Лиса-оборотень в эпоху Тан стала местным божеством, заведующим браком и рождением детей, и в каждом доме ей поклонялись», — но достаточно убедительных аргументов в пользу этой точки зрения не приводит (Хэ Синь. Указ. соч. С. 277). Отметим здесь параллель с жертвоприношениями душе умершего, которая также может отблагодарить за заботу. Возможно, оба этих случая относятся ко времени реформации понятий «гуй» (нежить) и «лиса-оборотень» (нечисть), связанной с развитием культа предков, которые в случае правильной заботы о них способствовали благополучной жизни потомков.

² В цинское (XVII—XX вв.) время фею-лису причисляли к так называемым *сы да мэнъ* 四大門 или *сы да цзя* 四大家 (т. е. «четыре великих семейства»), куда входили четыре вида животных, обладавших, по народным представлениям, волшебными свойствами и наделенных даже особыми фамилиями, созвучными названиям или свойствам животных: лиса (狐狸 *хули*) — Хумэнь 胡門, хорь (黃鼠狼 *хуаншудан*) — Хуанмэнь 黃門, еж (刺蝟 *цывэй*) — Баймэнь 白門, змея (蛇 *шэ*) — Чанмэнь 長門 или Люмэнь 劉門. В деревнях в честь этих животных сооружали низкие глинобитные, кирпичные или деревянные кумирни и приносили перед ними жертвы, моля о содействии в делах, спокойствии в доме, достатке, богатом урожае и т. д. (подробнее см.: Шаманьцзяо яньцзю. С. 132—138). То есть у нас есть все основания утверждать, что в конце правления маньчжурской династии лиса, как чудесное животное, встала в один ряд с духами-покровителями местности (土地神 *тудишэнь*). Нечто похожее описывал и В. М. Алексеев: «Вы проходите по китайским полям и вдруг видите, что перед каким-то курганом стоит огромный стол, на котором покоится ряд древнего вида сосудов, знамена, знаки и все вещи, свойственные, насколько вам известно, только храму.

Таким образом, лиса в зверином облике издавна воспринималась как предвестник судьбы, в первую очередь — печальной (ТПГЦ, 448.20: здесь лиса выбегает из-под одеяла больного, и он вскоре умирает), хотя в ряде случаев — напротив, счастливой (ТПГЦ, 451.14). Первоначально появление девятихвостой лисы считали счастливым предзнаменованием исключительно для владельцев родов, но после Тан за белой лисой в народной фантазии сохранилось свойство быть добрым вестником — уже для любого человека. Другое дело — фея-лиса, как назвал ее академик Алексеев, или «продвинутая» лиса-оборотень. Она способна приносить человеку и беду и добро, ее образ противоречив. Если ей приносить жертвы, то она может помочь, отблагодарить за справедливое к ней отношение. Фея-лиса обладает значительной силой, далеко превосходящей обычные возможности человека¹. Она знает будущее, широко эрудирована, способна к превращениям по своему желанию, умеет обольщать, заставляет человека потерять разум. «Передают, будто лисы умеют морочить людей — боюсь, это не пустые слова!» — писал танский автор (ТПГЦ, 455.6). Простая лиса-оборотень чаще всего является существом вредоносным, пусть даже она примет вид девы неземной красоты или прекрасного юноши. Ей, впрочем, не совсем чуждо чувство справедливости, но, как правило, она не в ладах с человеком. В отличие от феи-лисы, она может быть убита, хотя справиться с нею не так-то просто. Дело в том, что и белая лисица, и фея-лиса, и лиса-оборотень — суть три разные ипостаси одного существа, соответствующие различным этапам формирования представлений о нем в китайской традиции.

Вы осведомляетесь у прохожего мужичка, что это такое, и слышите в ответ: "Это — фея-лиса". Она, видите ли, живет где-то тут в норе, и ее упрашивают не вредить бедному народу — и не только не вредить, а, наоборот, благодетельствовать ему, как благодетельствуют прочие духи» (Алексеев В. М. Указ. соч. С. 15). Также см. весьма информативную работу К. М. Тертицкого (*Тертицкий К. М. Культ лисицы в Маньчжурии в 1920—1940-е годы*).

¹ Особое внимание обращает на себя способность лисы к оборотничеству, поскольку именно это и позволяет ей существовать среди людей, добываясь своих целей. На главную особенность оборотничества в китайской традиции в отличие от традиции русской вскользь обратил внимание еще В. Шкловский: если в русской традиции оборачивается, как правило, человек и не на долгий срок, то в китайской — животное (в данном случае, лиса), душа умершего, старый предмет — и время состояния оборота может быть сколь угодно долгим (см.: Шкловский В. О теории прозы. М., 1983. С. 154).

Остановимся более подробно на сунских представлениях о лисе-оборотне на примере одной из самых характерных новелл этого времени — новеллы Ли Сянь-миня¹ «Удивительная встреча в Западном Шу».

Новелла «Си Шу и юй» (西蜀異遇 «Удивительная встреча в Западном Шу») принадлежит к жанру *чуаньци* 傳奇, зародившемуся в Китае на рубеже правления династий Суй и Тан. В танское время жанр достиг своего расцвета. Генетически восходя к древнейшим сюжетным записям и дотанской прозе, новелла чуаньци представляет собой, в первую очередь, более крупную форму авторского сюжетного повествования, ставящего целью, в отличие от дотанских сяшо, не одну лишь фиксацию события. И если в дотанской прозе лиса выступает носителем преимущественно злого начала — как в функции оборотня², так и в своем естественном

¹ Точное время жизни Ли Сянь-миня 李獻民 (второе имя Янь-вэнь 彦文) нам, к сожалению, неизвестно. Единственный источник сведений о нем — предисловие к его сборнику «Юнь чжай гуан лу» (雲齋廣錄 «Обширные записи из Облачного кабинета»), датированное 1111 годом. Видимо, Ли Сянь-минь жил в конце правления династии Северная Сун (960—1127). Из этого же предисловия известно, что родом Ли Сянь-минь был из уезда Суаньцаосянь близ Кайфэна (совр. Яньцзиньсянь в пров. Хэнань). Составители антологии «Сунжэнь чуаньци сюань» (宋人傳奇選 «Избранные новеллы чуаньци сунских авторов») считают, что по сведениям, заключенным в предисловии, можно сделать вывод о невысоком общественном положении Ли Сянь-миня: «одинокий ученый, необразованный книжник». Впрочем, несмотря на то, что это второе в КНР издание, специально посвященное сунским новеллам (первым был сборник, составленный Лу Синем), данная антология во многом упречна (так, в имени того же Ли Сянь-миня вместо иероглифа 獻 написан иероглиф 憲, и т. д.), что не позволяет относиться к мнению ее авторов слишком серьезно.

² Мы не располагаем сведениями о том, как древние китайцы представляли себе сам процесс превращения лисы в человека; в сяшо зафиксированы главным образом обратные превращения — в лису. Это происходит тогда, когда лиса-оборотень сталкивается с неодолимым противником и вынуждена спасаться бегством. Однако в «Ю ян цза цзу» (酉陽雜俎 «Пестрое собрание с южного [склона горы] Ю[шань]) Дуань Чэн-ши (段成式 803—863) есть такое описание: «Диких лис называют Цзы-ху. Ночью — ударит [такая лиса] хвостом, и вспыхивает огонь. А коли захочет стать существом необычным — нацепит на голову мертвый череп и кланяется Северному ковшу. Коли череп не слетит наземь, то [лиса] обращается человеком» (ТПГЦ, 454.4). Несколько более развернутое описание этого процесса мы встречаем в более позднем романе «Развеянные чары»: «Предположим, лиса хочет превратиться в женщину — для этого она берет теменную кость

виде, то в танской новелле чуаньци это положение меняется: стоит упомянуть хотя бы широко известную и неоднократно переведенную на русский язык новеллу Шэнь Цзи-цзи (沈既濟 750—800?) «Жэнь ши чжуань» (任氏傳 «История Жэнь») ¹, главная героиня которой Жэнь, лиса-оборотень, обладает лучшими человеческими качествами, она — верная и преданная супругу жена. Муж Жэнь не подозревает о лисьей сущности жены до самой ее смерти ².

Сунская новелла чуаньци в этом смысле ни в чем не уступает лучшим танским образцам. Сун Юань, главная героиня «Удивительной встречи в Западном Шу» Ли Сянь-миня, — прекрасная девушка, «лицо сияет как красная орхидея, брови подобны изогнутым ивовым листочкам — ну прямо бессмертная с острова Пэнлай!» Прелесть, ум, кротость Юань пленяют, и неудивительно, что Ли Да-дао без памяти увлекается ею. Сун Юань, подобно Жэнь и подобно многим другим девам-лисам в танских и сунских чуаньци, не имеет ничего общего со злобными лисами-оборотнями дотанских сяошо. Конечно, она тоже оборачивается и обладает сверхъестественными способностями. В начале Ли Сянь-минь в лучших традициях чжигуай сяошо описывает, как Да-дао от связи с лисой начинает худеть и хиреть, но потом эта тема отходит на дальний план, уступая место описанию счастливой жизни человека и лисы ³.

умершей женщины; если же лис желает превратиться в мужчину, он берет такую же кость, но уже умершего мужчины. Они кладут эту кость себе на голову и начинают кланяться луне. Ежели превращению суждено совершиться, то кость удержится на голове при всех поклонах» (указ. соч. С. 35). Поклонов надо отбить сорок девять.

¹ См., например: Гуляка и волшебник (пер. И. Соколовой); Танские новеллы. М., 1960 (пер. О. Фишман).

² И. Моншайн справедливо называет эту новеллу одной из ключевых для понимания образа лисы в китайской письменной традиции — здесь обобщены все сведения о лисе-оборотне и сведены вместе главные мотивы, с нею связанные (указ. соч. С. 359).

³ Эта особенность, при чтении новеллы производящая впечатление искусственной, является, возможно, одним из важных свидетельств, с одной стороны, изменения традиционного отношения к лисе, а с другой, — развития художественного вымысла, когда автор, начиная писать по старой шаблонной схеме и отдав ей должное, заканчивает свое произведение в духе нового, современного ему восприятия лисы-оборотня, используя при этом возможности нового жанра. Хотя сюжетная схема новеллы (встреча героев — разоблачение лисы и попытки бороться с нею — воссоединение героев — более или менее счастливый или, напротив, тра-

Новелла Ли Сянь-миня, не охватывая, впрочем, всех связанных с лисой представлений, все же содержит ряд наиболее типичных, связанных с лисами мотивов, встречающихся в чуаньци.

Лиса выдает себя за члена семьи людей. Юань говорит, что она соседка семейства Ли, и сообщает некоторые подробности из своей «биографии». Лиса, как правило, заботится о том, чтобы ее появление не вызвало у людей удивления, равно как и о правдоподобию своей истории. В дотанской же прозе лиса гораздо чаще выдает себя за умершего родственника, о смерти которого близкие не знают (ТПГЦ, 450.6), или же прикидывается духом умершего родственника: невидимая, обращается к его близким с алтаря предков, вымогая подношения — еду и вино (ТПГЦ, 450,9). Правда, обычно это заканчивается для лисы плохо: ее разблачивает даос-маг, или же она становится жертвой собственной жадности — напивается вдрызг, а утром ее, пьяную, находят рядом с домом и убивают (ТПГЦ, 448.4)¹. Далее — лиса стремится войти в человеческую семью: в образе прекрасной девушки фланируя мимо ворот дома, где в семье есть молодой человек, старается завязать с ним отношения, выдавая себя за соседку, причем, приходит только по ночам, мотивируя это тем, что стесняется, будто кто-то ее увидит. Очарованному ею юноше таких объяснений более чем достаточно: он с нетерпением ждет следующей ночи (ТПГЦ, 447.18 и др.)

гический конец) достаточно характерна для чуаньци о лисах. Именно такие факты и позволяют исследователям говорить о танской новелле, как о прообразе китайской художественной прозы в приближенном к современному смысле этого слова.

¹ Также весьма любопытен мотив, когда лиса выдает себя за бодхисаттву или иное божество. В одном рассказе речь идет о том, как лис спустился в некую деревню на пятицветном облаке, милостиво принял обильные жертвы и согласился жить в той деревне постоянно, попросив, однако, крестьян хранить его пребывание в тайне, так как иначе сюда стекется несметные толпы верующих. Собственно, и все бы у лиса было хорошо, если бы он не вступил в связь с одной девушкой, старший брат которой был в отлучке. Вернувшись, брат явился к сестре, но лис прогнал его. Тогда, почувствовав неладное, брат заплатил магу-даосу, и с лисом было покончено (ТПГЦ, 450.11). Апофеозом лисьих проделок такого рода следует считать историю о том, как лиса, прикинувшись бодхисаттвой, настолько прославилась умением проникать в человеческие мысли, что была приглашена жить в императорский дворец, где пользовалась крайним уважением самой императрицы. С некоторым напряжением с кознями лисы сумел справиться буддийский монах Да-ань (ТПГЦ, 447.19).

Лиса старается блюсти чистоту и нравственность. Юань противится желанию Да-дао слиться с нею в любви немедленно, заставляя его набраться терпения и обставить любовное свидание по-человечески. Еще раз напомним, что в дотанских рассказах чжигуай сяошо лисы о соблюдении принятых среди людей приличий почти не беспокоятся, их волнует только достижение своей цели. Иное дело — в новелле чуаньци: когда Да-дао уезжает по служебной надобности, Юань все время его отсутствия проводит дома, не переступая порога, как и подобает заботящейся о своей репутации замужней женщине.

Лиса тонко образованна, она умеет слагать превосходные стихи. Вполне естественным кажется перенесение традиционных элементов образованности на лис и души умерших. См., например, ниже стихи Юань или ее финальный разговор с Да-дао, где она выказывает большие познания в классической литературе. Или вполне типичный рассказ о предававшемся чистому знанию книжнике, к которому пришел мальчик-лис и, начав беседу о высокой литературе, выказал удивительный ум и сообразительность (ТПГЦ, 451.3).

Лиса стремится соблюсти заведенные между людьми правила и обычаи. Когда в семье Ли поняли, что от Юань им никак не отделаться и что Да-дао от нее не откажется, тогда прекратили враждебные действия, а Юань сделала подарки отцу и матери Да-дао как свекру и свекрови. Лиса стремится обставить свое соединение с мужчиной как свадебный обряд, принятый среди людей: здесь будет и паланкин, в котором невесту доставляют в дом жениха, и цветные свечи, и подарки, и свадебный пир, на который приглашаются лисьи приятели. Для образа лисы в дотанских сяошо все это не характерно.

Лиса помогает своим человеческим «родственникам» и не причинявшим ей зла людям. Юань лечит захворавшую мать Да-дао. Часто в чуаньци лиса лечит своего любимого от того недомогания, которое возникло от сексуальной связи с нею, и решительно противится продолжению плотских отношений, объясняя всю пагубность этого. Кроме того, лиса с удовольствием предсказывает будущее, помогает избежать неприятностей или, напротив, получить выгоду.

Лиса насылает напасти на противящегося ей человека. В характере лисы вредить человеку просто так, по природе сво-

ей¹, или для достижения какой-то цели. Так, Юань насылает на отца Да-дао обезьян, когда тот прячет от нее сына. Часто лиса швыряется разными предметами, гадит в пищу и совершает разного рода мелкие пакости, способные вывести из себя кого угодно.

От связи лисы с человеком рождаются дети, и у них нет никаких признаков, хотя мать их — лиса. Часто таким детям уготовано великое будущее.

Лиса наставляет своего возлюбленного. Юань на прощание советует Да-дао прилежно заняться учебой, сдать экзамены и покрыть тем самым свой род почетом и славой. Часто бывает так, что лиса оказывается более рассудительной, чем ее возлюбленный, и помогает ему вернуться на путь добродетели, когда он погрязнет в пороках.

Сказанного выше уже достаточно, чтобы убедиться в том, какие значительные изменения претерпел образ лисы. В чуаньци перед нами встает образ прекрасной женщины, может быть, слишком прекрасной и слишком одаренной для дочери человеческой, но тем не менее мало в чем проявляющей свои сверхъестественные способности. Происходит своеобразная переоценка образа лисы: из злой она становится доброй.

Однако не следует думать, что образ злого оборотня остался в прошлом: на уровне простонародной, устной культуры представления о лисе по-прежнему содержат значительный элемент злого начала. Но если раньше лисы просто избегали или старались ее уничтожить, то с конца первого тысячелетия нашей эры распространенной практикой стало почитание лисицы: в ее честь сооружали кумирни, к ней обращались с молитвами и просьбами, приносили жертвы.

Лиса перестала быть однозначно злой, в письменных источниках сформировался нейтральный (если так можно выразиться) образ, нечто среднее между благовещей лисой (доброй по определению) и вредоносным животным. Дева-лиса из новелл чуаньци, прекрасная и своенравная, равно способная к добру и к

¹ Например, герой одного дотанского рассказа останавливается на ночь в беседке, про которую известно, что там обитает злобный лис, из принципа изводящий всех ночующих в беседке, — так что уже и не осталось желающих. Наш же смельчак лиса не испугался, несмотря на все его старания, а в конце и вовсе убил. «С тех пор в беседке стало спокойно» (ТПГЦ, 447, 13).

злу, есть в какой-то (и, быть может, весьма значительной) мере создание поколений танских и сунских книжников, внесших существенный вклад в формирование традиционных китайских представлений о сверхъестественном. Пользуясь всем опытом предшествующей письменной традиции, они создавали свой *universum* книгочеев, и сила их умственной и культурной интенции оказала впоследствии обратное влияние на народные представления, бытовавшие изустно.

ЛИ СЯНЬ-МИНЬ. УДИВИТЕЛЬНАЯ ВСТРЕЧА В ЗАПАДНОМ ШУ

Второе имя сюаньдэлана¹ Ли Бао было Шэн-юй. В годы под девизом правления Шао-син² его перевели на должность начальника уезда Даньлэнсянь в области Мэйчжоу³. Прибыв к новому месту службы, Бао сразу же отдал подчиненным необходимые распоряжения и принялся вникать в нужды и тяготы народа. Через несколько месяцев жители уезда уже славили его.

Позади казенной резиденции, где поселился Бао, был сад и в саду — беседка. Она называлась Цзюсытин («Беседка Девяти дум»). Сын Ли Бао, его звали Да-дао, все свободное от занятий время проводил здесь.

Однажды, когда Да-дао сидел в одиночестве в этой беседке, в тени деревьев вдруг послышались хлопки в ладоши и тихое пение. Мелодия была такая чистая и изящная, западающая в душу! Да-дао, крадучись, пошел взглянуть, кто это поет. Видит — де-

¹ Гражданский чиновник седьмого ранга второго класса; в 1080 г. эта должность была переведена в разряд почетных (т. е. дававших жалование, но не дававших власти), а в 1113 г. была упразднена.

² 1131—1161 гг.

³ Эта область располагалась на территории современной провинции Сычуань.

вушка лет, наверное, четырнадцати-пятнадцати медленно прогуливается, что называется, «лотосовыми шажками». На лоб свешивается короткая челочка, лицо сияет как красная орхидея, брови подобны изогнутым ивовым листочкам — ну прямо бессмертная с острова Пэнлай ¹!

Да-дао вернулся в беседку. Долго думал он об этой девушке. «Для певички она слишком свободно держится, да и облик ее слишком изящен: ясно, она не из таких,— рассуждал он.— Если же из хорошей семьи, то почему ее не сопровождают служанки? И идет она, не выбирая дороги, не по тропинке. Да и зачем бы ей прийти сюда?» Пока Да-дао так размышлял, не зная, к чему склониться, девушка неожиданно вышла прямо к беседке и остановилась.

— Из какой вы, барышня, семьи и почему гуляете здесь одна? — обратился к ней Да-дао.

— Я, ничтожная, ваша соседка. Фамилия Сун, а зовут — Юань. В семье я шестая... Недавно пробудилась я ото сна и пошла гулять — в надежде увидеть что-нибудь интересное. Изумительные пейзажи, теплый ветерок, солнце в легкой дымке, щебечущие веселые иволги, стремительные ласточки, что носятся друг за другом,— все так прекрасно, весенние чувства переполнили мое сердце, и я, не будучи в силах их сдержать, перебралась через низкую стену, чтобы нарвать здесь цветов да отломить ветвь ивы, и случайно оказалась в вашем саду. Я и подумать не могла, что вы сейчас здесь! Не знаю теперь, куда деваться от стыда! — смущенно отвечала девушка.

— Да, но неужели батюшка твой не беспокоится, что ты так давно ушла и все не возвращаешься домой? — спросил тогда Да-дао.

— Еще в раннем детстве я осталась сиротой, потеряла всякую связь с семьей старшего брата. Живу одна с сестрами. Я самая старшая в доме.

— А муж у тебя уже есть? — продолжал свои расспросы Да-дао.

Девушка замялась и покраснела. Потом отвечала:

— Нет, я еще не замужем... А у вас, господин, есть жена?

¹ Одна из легендарных обителей даосских бессмертных.

— Было уже несколько предложений, да все пары неподходящие, — ответил ей Да-дао.

Девушка легко улыбнулась и спросила:

— Ну а я — хоть род мой скромный и низкий, а внешность грубая и вульгарная, — я могла бы, как говорится, подавать вам фрукты и травы?

— Боюсь, мое брэнное тело слишком слабо для подобных удовольствий!

От такого разговора Да-дао пришел в радостное возбуждение и повел было деву к западному углу беседки, мечтая тут же слиться с нею, но она сказала:

— Разве сейчас время для радостной встречи? Лучше я вернусь домой, а ближе к вечеру снова приду. Только будьте здесь же, господин!

С этими словами дева удалилась.

Ожидая ее, Да-дао не находил себе места, не мог даже сидеть спокойно. Вскоре красное солнце опустилось на западе, сошлись на закате бирюзовые тучи, звезды и созвездия засверкали ярко. Вдруг Да-дао ощутил необычайный аромат, от которого просто голова пошла кругом. Он протер глаза и стал всматриваться — а дева уже рядом! Да-дао вскочил ей навстречу.

— Слуги ваши не догадаются, куда вы пошли? — спросил он.

— Нет, не беспокойтесь! — отвечала дева.

Взявшись за руки, они вошли в спальню. Тут же Да-дао достал изысканные кушанья и молодое вино, и двое стали беседовать, высказывая друг другу полностью все, что было на душе. Ночь близилась к концу, когда Да-дао и дева скинули одежды и возлегли на искусно расшитые тюфяки, скрылись за пологом. Зашелестели капли дождя из туч, Да-дао и дева сполна вкусили земных радостей.

На рассвете дева распрощалась и ушла. С этого времени она стала приходить каждый вечер на закате, а наутро покидала Да-дао. Так прошел месяц.

Однажды Да-дао в какой-то непонятной усталости, не имея желания делать что-либо, заснул, сидя за столом в своем кабинете. Вдруг во сне он увидел человека с карточкой, на которой значилось, что с визитом явился некий сюцай¹ Ли Эр. Да-дао вышел

¹ Низшая ученая степень в системе государственных экзаменов на право занятия вакантной чиновничьей должности. Присуждалась в уездах.

за ворота навстречу гостю, видит — идет юноша изысканной наружности, манеры поведения очень внушительные. Да-дао предложил ему садиться, и Ли молвил: «Ваш глубокоуважаемый батюшка постоянно удостаивает меня своей щедрой милостью, а я еще не отблагодарил его. Сегодня мне стало известно, что вас околдовал оборотень, вот я и пришел помочь». «О чем это вы?» — удивленно спросил его Да-дао. «Да ведь та девушка, с которой вы встречаетесь, — не человеческого рода! Не хотите ли взглянуть на ее истинный облик?» — спросил Ли, и Да-дао выразил согласие. Тогда Ли приказал слугам доставить девушку, и через самое короткое время богатырь примчал ее на коне. Нефрит опечалился, цветок сник, увяла орхидея, согнулась устало ива — у девы был пристыженный, страдающий вид, и слезы прочертили дорожки в пудре на щеках. Ли крикнул на нее, дева тут же превратилась в большую лисицу и в ужасе побежала прочь. Да-дао вскочил и стал благодарить Ли, а тот вынул амулет и положил на столик. «Если вы, господин, будете носить это при себе, тогда еще можно от нее избавиться... У меня есть небольшая просьба, с которой я хотел бы к вам обратиться. Моя убогая хижина находится у ближайшего рынка, место там низинное, болотистое, совсем нельзя жить. Да к тому же много всяких людей, бродящих туда-сюда без толку. Балки дома пришли в совершенную негодность. Может быть, вы, господин, окажете такую любезность и пришлете слуг привести мое жилище в порядок?» «Да неужели я забуду вашу доброту после того, как вы помогли мне избавиться от такого несчастья! — воскликнул Да-дао. — Объясните мне, что и как». Ли подробно рассказал и ушел... Тут Да-дао очнулся ото сна — весь в поту, в расстроенных чувствах. Он просидел без сна до самого рассвета и все думал... На столе Да-дао обнаружил амулет, взгляделся — а это гексаграммы из «Книги Перемен»! В великом испуге он пошел и обо всем рассказал отцу. Очень удивившись, отец заметил:

— Тот, кого ты видел во сне, назвался сюцаем Ли Эром и сказал, что я — его благодетель. Уж не цюанькоуский ли это чжэньцзюнь¹, которому я совершаю поклонения?

¹ Речь идет о духе Эр-лане 二郎, сыне сычуаньского правителя Ли Бина (李冰 III в. до н. э.). С именами обоих связан связан легенды, имеющие большое количество вариантов: как Эр-лан уничтожил на охоте злобного тигра, наносившего вред местному населению; как, пользуясь советами отца, Эр-лан (или сам Ли Бин?)

Ли Бао отправился в храм чжэньцзюня, осмотрел там балки и перекрытия, коридоры и галереи, и оказалось, что все пришло в полную негодность. Тогда он приказал мастерам починить храм.

Да-дао же повесил амулет на пояс и не осмеливался больше ночевать в беседке. Не раз и не другой он видел деву, но она не могла приблизиться к нему ближе, чем на один чи, Да-дао же с ней не разговаривал. Деве только и оставалось лить слезы. Так прошло десять дней.

Как-то Да-дао в свободный час прогуливался в одиночестве по тому самому саду и у тропинки нашел в траве листок цветной почтовой бумаги. На листке было написано стихотворение в жанре цы¹, его сложила дева. Называлось стихотворение «Бабочка тоскует о цветке»:

Луна скользнула сквозь разрывы туч —
 Подушка щеку холодит мою.
 Напоминает тонкий лунный луч
 Мне прежнюю любовь твою.
 Тань-лан² был рядом, ныне — далеко:
 Изменчив, как весенний ветерок.
 О, как мне, одинокой, нелегко!
 О, если б он меня услышать мог!
 Порознь цветы и легкий пух летят:
 Как воротить прошедшее назад?

Да-дао снова и снова декламировал эти стихи, очарованный талантом девы. И вдруг он увидел ее — девушка стояла под плакучей ивой. Краса ее была так свежа, одежда так прекрасна — точь-в-точь как раньше! Подняв лицо к небу, Да-дао простонал:

призвал к порядку и обуздал дракона (духа) реки Янцзы, творившего безобразия и собиравшего дань красивыми девушками, но, к сожалению, все эти предания дошли до нас лишь в поздних записях. Во время правления императора Хуэйцзуна (1101—1125) духу был дарован титул чжэньцзюня (Истинный Государь), храмы в его честь были выстроены по всему течению Янцзы и в некоторых других местах, духу стали приписывать самые многообразные способности.

¹ Один из традиционных стихотворных жанров, широко распространившихся в сунском Китае, характеризовался нерегулярной длиной строки. Цы писались на определенной мелодию и оттого в европейской традиции часто называются романсами.

² Иносказательно о прекрасном юноше. Иносказание берет начало от цзиньского Пан Аня 龐安, второе имя Тань-шу, отличавшегося особой красотой и изящностью. Красота его стала нарицательной. Здесь и далее стихи даны в переводе О. Трофимовой.

— Я обычный человек, и с меня довольно красоты! Вот и сегодня — увидел, как она прекрасна, и наслаждался сполна! О чем мне еще мечтать! Да и потом, откуда мне знать, может, раньше и я был необычайным существом или стану таковым после смерти. Нет, не могу я порвать с нею!

Тут Да-дао разломал амулет и бросился к возлюбленной. Дева то плакала, то смеялась.

— Теперь, когда вы, господин, знаете все о моем дурном естестве, — сказала она, — вы со спокойным сердцем могли бы прогнать меня, порвать нашу связь. Неужели же я забуду вашу доброту и позволю вам пачкать себя в вульгарной грязи, печалиться о недостойной вас!

Из глаз ее выкатилось несколько слезинок. Да-дао принялся ее успокаивать, говоря:

— Да нет у меня к тебе никакой неприязни. Ни в чем я тебя не виню!

Они снова стали жить, как прежде, и чувства их стали еще крепче и глубже.

Так прошел месяц. Лицо Да-дао осунулось, он сильно исхудал, и родители, опасаясь, что он совсем сляжет, стали приглашать магов и заклинателей, но никто из них так и не смог совладать с недугом. Тогда отец запер Да-дао в потайной комнате, и Юань, придя на место встречи, не нашла его.

На другой день стали происходить и вовсе необычайные вещи. Откуда-то примчалось несколько сотен мартышек. Они принялись скакать по крышам и, как их ни гнали, не уходили, но продолжали шнырять повсюду. Ли Бао они не давали ни минуты покоя.

Однажды, когда Ли Бао сидел один в своем кабинете, в щель окна кто-то просунул письмо, и оно упало близ него. Бао тут же вскочил и выбежал на улицу, но там никого не оказалось. Тогда он распечатал письмо и прочел. Вот что там было сказано:

Кун Чан-цзун, цзиньши¹ из Куйчжоу¹ почтительно составил письмо и отправил в терем господина Ли.

¹ Высшая ученая степень в системе государственных экзаменов, дававшая право на занятие сразу крупных чиновничьих постов, например, начальника области. В сунское время из первых среди прошедших экзамены на степень цзиньши неред-

В этом письме позвольте мне выразить свое преклонение перед Вашей высокой добродетелью. Да и как не разглядеть ее, лишь увидев Ваш благородный лик! Я, Чан-цзун, отдаленный потомок Кун-цзы², переехал на жительство в Бачуань³ и теперь обитаю здесь. В семье нашей все издавна посвящали себя изучению конфуцианских книг, поколение за поколением носили чиновничье платье, и много было таких, кто, как говорится, в красном халате держит нефритовую табличку⁴. Когда-то и я за свои таланты был вознесен высоко, мои манеры и стихи были выше всяких похвал, но, к несчастью, я попал под власть чар оборотня. Помрачение достигло наивысшей глубины и длилось очень долго. Я умер и стал лисом! Случайно узнал я, что и Ваш, сударь, сын попал в сходное положение. Это продолжается уже долго, и Ваш сын на грани гибели. А ведь я был мужем младшей сестры Сун Юань! Эти сестры во всем помогают друг другу, и людей, введенных их превращениями в помрачение, — великое множество. Ваш, сударь, сын разломал амулет и отказался от защиты, он ходит по краю смерти и не задумывается об этом. Ну как не пожалеть его!.. Еще я слышал, что если лиса-оборотень не может достичь того, чего хочет, она насылет беды и прочие удивительные напасти. Беснующиеся мартышки — это, конечно, то самое! Если вы спустите на них охотничьих соколов и собак, тогда еще можно будет прогнать. Боюсь, правда, как бы Вы, благородный муж, из-за родственных чувств к сыну не причинили бы безо всякой вины вреда и моей жизни — ведь у людей и диких животных разные пути! Почтительно об этом напоминаю. Надеюсь, Вы простите мне бесстыжие речи.

Прочитав письмо, господин Ли долгое время сидел в тупом ошеломлении. Потом, следуя данному совету, спустил на обезьян собак и соколов, и обезьяны убрались восвояси.

Однажды вечером господину Ли приснился человек. Он сказал: «Я — Кун Чан-цзун, тот самый, что писал к вам. Я выдал замыслы лис, и они в диком гневе убили меня на берегу западного ручья. Теперь мне не удастся вернуться в круговорот жизни человеком и окончить свои дни в праведности. Ведь душа моя

ко избирались императорские зятя. Экзамены на цзиньши обычно проходили в столице раз в три года.

¹ Область, располагалась на территории современного уезда Фэнцзесянь в провинции Сычуань.

² То есть Конфуция, фамилия которого была Кун.

³ Распространенное в старом Китае название для сухих земель, относящихся ныне к Сычуани.

⁴ То есть высших придворных чиновников.

бродит без пристанища! Вы, господин, исполнены великодушия и чувства долга, вы можете помочь в беде и выручить в нужде. Моя последняя надежда на вас! Бренные останки мои брошены в беспорядке в глухом месте, забыты среди густого бурьяна. Если бы вы собрали и похоронили их, то эта заслуга зачлась бы вам у Девяти Источников!»

Господин Ли дал согласие помочь, и человек пропал. Когда рассвело, Ли послал людей искать у ручья. Но лиса не нашли. Тогда господин Ли раздал пищу нескольким десяткам буддийских монахов с тем, чтобы они читали сутры в поминовение души усопшего, а сам сложил поминальный текст и принес его в жертву лису. Там было сказано:

Бессчетное число живых существ заполняет небо и землю, но никому неведомы причины прихода и ухода! Говорят, Великое Небо можно измерить, а превращения — бесконечны! Бренное тело дается на краткий миг, чтобы дать прибежище духу. Круговорот от высших до низших сфер понятен, зачем же цепляться за нынешнюю оболочку, не стремясь к иной! Если сильны еще инь и ян, если стужа по-прежнему сменяет жару, — значит, не покинул ты еще переправы между жизнями и смертями. Все существа получают обличие согласно велению судьбы — так дело обстоит во всем мире, будь то гора Тайшань¹ или ничтожнейшая песчинка. И растения, и твари — те, что бегают и летают, — тоже могут родиться в человеческом обличье. А человек покидает этот мир, и, как знать, не станет ли он потом деревом или камнем, птицей или зверем. Этот закон непреложен, зачем горевать или радоваться! От непонимания его страдают даже сановники и государи, сотни лет хранят они затаенные обиды, лишённые речи и языка. Вчера еще жили они в роскошных хоромах, а ныне, как говорится, ютятся под деревьями на холме в диком поле!.. Вы, желая, чтобы я обо всем узнал, отправили письмо и — пострадали. Я со вниманием прочел написанное Вами и понял, что когда-то Вы отменно владели литературным слогом. Что же до брошенных у западного ручья останков, то несколько раз я искал там, но, к досаде, ничего не сохранилось! Хоть Ваш лисий облик был нелицеприятен, может, соорудить для Вас у ручья могильный курган из тамошней земли? Пока же я предпринял труды для Вашего спасения, дабы помочь Вашей душе в темном мире. Берегите себя, господин! Осенью так холодно, клубятся тучи... Где Вы, господин? Услышали ли меня?

¹ Одна из пяти священных китайских гор, главная между них. Символ непоколебимой прочности.

Через несколько дней после принесения жертв возобновились всякие безобразия, собаки и соколы уже не помогали. Господин Ли понял, что, видно, тут ничего уж не поделаешь, отпустил Да-дао и перестал надзирать за ним. Только после этого в доме установилось спокойствие.

Да-дао и Юань вновь обрели друг друга, и чувства их усилились несказанно. Дева принесла что-то похожее на ворсистые коврики, расшитые шелком, — подарки свекру и свекрови. Ли Бао сначала не хотел принимать этот подарок, но потом испугался, что Юань разозлится и снова будет безобразничать. Пришлось ему оставить подарки у себя.

Однажды мать Да-дао захворала сердечной болезнью. Она лежала чуть живая. Господин Ли приглашал к ней известных лекарей, но никто из них помочь не смог.

— Болезнь у вашей матушки самая обычная, — сказала Да-дао Юань. — Вот, возьмите лекарство, поскорее бросьте в воду и приготовьте отвар, а потом пусть матушка выпьет. Через самое короткое время болезнь отступит!

Да-дао взял лекарство, развернул, смотрит — а это темный древесный листок размером в монету или немного больше. Не очень-то веря, Да-дао пошел к матери и дал ей лекарство. Не успела она выпить отвар, как болезнь будто рукой сняло! Все пришли в сильный испуг и решили, что Юань ведома дела духов.

С этого времени Юань мало-помалу приняли в семью как родную и перестали испытывать к ней подозрение и неприязнь.

Однажды весенним вечером Да-дао и Юань прогуливались в саду позади дома. В беседке среди цветов они устроили пир. В строгом порядке была там расставлена посуда и чаши, играла музыка. Да-дао с девой, раскрыв душу друг другу, говорили о сокровенном — удовольствию их не было предела. Опьянев, Юань сложила такое четверостишие:

Шатер ветвей зеленых над головой сплелся.
Едва лица касаясь, кружатся лепестки.
Красавица зарделась, румянец разлился...
Пусть пологом Лю Лина¹ нам станут небеса!

¹ 劉伶. Цзиньский поэт, известный пристрастием к вину и вольным поведением. Письменные памятники доносят до нас, что однажды Лю Лин, напившись, разделся догола, а когда окружающие стали его за это укорять, отвечал, что для него дом — земля и небо, а комната — штаны и рубаха, и зачем, собственно, крити-

Да-дао долго хвалил стихи, а потом сказал с улыбкой:

— Ну, как насчет парных строк¹, а?

— Пожалуйста! — ответила дева.

У пионов, росших рядом с беседкой, как раз в это время набухли бутоны, вот-вот распустятся. Подлетела пара бабочек и, кружась, села на бутон. Глядя на них, Да-дао продекламовал:

— Весною на пионе у перил любезничают бабочки.

— Ранним утром на вершине яблони кричит иволга, — тут же отвечала Юань.

Немного подумав, Да-дао снова прочел:

— Плакучая ива у тропки по ветру стелет зеленые нити.

— Ростки бамбука из-за загородки подняли бирюзовые побеги, — ответила Юань.

Да-дао изумился ее острому уму и способности быстро подбирать рифмы. До самого заката читали они стихи, пели, шутили и смеялись.

В другой раз Да-дао должен был ехать по служебным делам в Мэйчжоу.

— Дней через десять я непременно вернусь, никого не принимай! — сказал он деве. Прибыв на место, Да-дао встретил старого приятеля, и тот, обрадовавшись его приезду, постарался задержать друга подольше. Только через двадцать дней Да-дао удалось вернуться домой.

— Что же вы так сильно запоздали? — стала упрекать его дева.

— Да приятель задержал! — оправдывался Да-дао.

— С тех пор как вы уехали, окна в доме были закрыты даже днем, в сад и на порог не ступала нога человека, — сказала тогда Юань. — Я забросила помаду и туалетную воду для волос, не брала в руки румяна и пудру. Я тосковала в разлуке! Я думала только о вас!.. Вот, я сложила стихотворение и в нем выразила свои мысли!

каны залезли в его штаны? (подробнее см.: *Лю И-цин*. Ши шо синь юй. С. 392). В данном стихотворении как раз и содержится призыв пренебречь общепринятыми нормами.

¹ Один из традиционных видов китайского стихосложения, коллективные поэтические экспромты. Обычное застольное развлечение, при котором участвующие должны были подбирать в уме парные строки к сказанным до них, соблюдая правила рифмовки, синтаксический параллелизм и не искажая при этом смысла.

Стихотворение было в жанре «цы» и называлось «Вернитесь, господин»:

Ветер восточный крепчает,—
 Спутник весны молодой.
 Ивовой ветвью играет и занавески качает:
 Тянет ее за собой.
 Тени причудливо пали,—
 Солнце блеснуло вдали.
 Волосы-тучи смешались, в сердце забота с печалью:
 Где молодой господин?
 Жизнь что цветы и что травы:
 Только цвели — и не стало...

Прочитав эти стихи, Да-дао стал униженно просить прощения.

Тут как раз в уездном городе появился некий деревенский наставник по фамилии Чжан. Он, как говорится, опустил занавес¹ и стал учительствовать в буддийском храме. Постепенно у него появилось множество слушателей и последователей. Узнав о Чжане, Ли Бао послал к нему своего сына. Юань приходила туда каждую ночь, тайно пробиралась к Да-дао и спала с ним. Однокашники Да-дао знали о ней и наперебой стремились хоть разочек увидеть деву. Юань их не избегала и со всеми разговаривала. Сметливая и умная, Юань умела найти подход к каждому, и все с ней чувствовали себя совершенно свободно. Однако наставнику о деве никто не рассказывал. Юань вместе с Да-дао и другими учениками Чжана часто встречались за пределами буддийского храма.

Некий цзиньши Ян Бяо, вернувшись сюда из столицы, прослышал о Да-дао и его подруге и явился с визитом. Он хотел увидеть Юань, та согласилась. Ян Бяо встал ей навстречу.

— Когда я уезжал из столицы, то купил головные украшения — цветы из золота и шелка. Очень тонкая и искусная работа! — сказал он. — Но здесь, в горном захолустье, грубые и вульгарные вкусы и некому оценить подобные вещи! Хотел бы подарить украшения вам, обменять на одно талантливое ваше творение!

¹ Иносказательно об открытии частной школы.

Юань охотно согласилась, велела принести кисть и бумагу и сложила ему такое четверостишие:

Скроили платье, блещет понапрасну:
Не в этот дом Дунцзюнь¹ весну принес.
Но если лить так много горьких слез,
Придут одни болезни и несчастья.

Ян Бяо лишь вздохнул и ушел.

Впоследствии Юань родила сына. И вот, когда мальчику исполнился год, однажды вечером она вдруг в слезах упала на колени, и рыдания перехватили ей голос. В испуге Да-дао стал ее тормошить, но дева лишь лила слезы и молчала, не отвечая. Да-дао настойчиво продолжал спрашивать, в чем дело, и тогда она сказала:

— Мы с вами встретились не случайно! Теперь же назначенный срок весь вышел, и мы с сыном должны распрощаться с вами! — Она оправила платье и продолжала: — Древние говорили, что женщины доставляют радость своей красотой. Я, ничтожная, удостоилась быть подле благородного мужа. С начала и до сего дня любовь наша была такой чистой, что даже если теперь разбросают мои кости или оставят тело без погребения, то и тогда мне не будет горько. В древности была «клятва у сорочьего гнезда», и хоть разлука продолжалась долго, но настал все же срок для новой встречи². Что до «стихов на парчовом футляре», то хоть обида и была очень сильна, однако в конце концов любящие воссоединились³! А у нас с вами, господин, день разлуки очень близок, но нет срока для нового свидания! Душа моя трепещет от тоски, сердце разрывается от боли! Велико горе разлуки, навечно сохранится печаль в моем сердце!

Тут Юань горестно насупила прекрасные брови, и жемчужины-слезы из ее глаз оросили обильно полы халата. Глядя на нее, Да-дао тоже не сдержал слез.

¹ «Восточный государь», божество весны.

² Намек на песню из «Ши цзин» (詩經 «Книга песен»), где речь идет о том, как супруг, уехав из дома устраивать свои служебные дела, оставил жену, а она преданно ждала его все это долгое время.

³ Намек на жену Доу Тао, которую супруг не взял с собой, уезжая к новому назначению. В тоске она вышла на футляре стихи, где говорила о своих чувствах, и послала мужу. Тот прочел, восхитился и прислал за ней.

— Когда-то Кун Чан-цзун наговорил всякого вздора свекру и свекрови, — вновь заговорила дева, — но они все же не питали ко мне брезгливых подозрений, и я получила возможность прислуживать вам, господин, у изголовья и циновки. Так прошло два года. Чувства наши глубоки, во всем мы соблюдали долг, земным парам и не сравниться с нами! Но мне обидно, что я ничем не могу отблагодарить вас за доброту! Да и неужели же я хотела бы повредить вашей судьбе и оборвать жизнь вашу, чтобы потом меня проклинали?! Этот Чан-цзун — ученый невежда и больше ничего! Да откуда ему знать меня!

Потом Юань снова обратилась к Да-дао:

— Вы, господин, еще молоды, и вам следует прилежно учиться, быть обходительным с наставниками, друзьями, покрыть славой свой род и возвеличить отца с матерью. Этим вы выполните свой сыновний долг. Только гоните мысли о женщинах! Я надеюсь, вы будете беречь себя.

— Когда же мы увидимся с тобою вновь? — спросил Да-дао.

Юань взяла кисть, сложила стихотворение и протянула ему:

Два года делили одно изголовье
и наслаждались любовью.
Теперь же иду на край неба,
здесь — больше нам рядом не сесть.
Свидимся где ли, вздыхаю несмело,
может, за облаком белым¹..

Они еще долго беседовали, а потом легли спать отдельно. Утром Да-дао встал, отправился к родителям справиться об их здоровье, потом возвратился в комнаты — а Юань и сына уже нет! Не будучи в силах справиться с охватившим его горем, Да-дао только вздыхал в печали. Часто любуясь луною, он вспоминал о красоте и прелести Юань.

Постепенно все забылось...

¹ В тексте буквально сказано: «Если и будет встреча, то только среди облаков за кручами гор Ушань». Юань хочет сказать, что увидятся они разве что во сне, и намекает на известную легенду о свидании во сне чуского князя и феи гор Ушань.